

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДЮЖЕВ

доктор филологических наук, независимый исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
disp37@yandex.ru

**«ТАИНСТВЕННА ДУШИ РАБОТА...»
(философская лирика Алексея Авдышева)**

Рассматривается лирика поэта из Петрозаводска Алексея Ивановича Авдышева, чье мировосприятие содержало философскую систему взглядов на мир и человека. Целью статьи является внесение посильного вклада в развернувшуюся в современном российском литературоведении научную разработку и теоретическое обобщение закономерностей развития русской литературы XX века как единого процесса, у которого есть свои истоки, этапы роста и дальнейшего развития. Впервые в российском литературоведении творчество этого автора анализируется под таким углом зрения, что позволяет понять обусловленность развития искусства региона Европейского Севера духовно-культурными и этническими факторами и одновременно говорить о внутреннем единстве литературного процесса на всей территории России. Актуальность такого исследования объясняется возрастанием на современном этапе роли искусства в формировании гармонически развитой личности, в патриотическом воспитании человека. Анализируется индивидуально-личностный опыт А. Авдышева в его взаимоотношениях со временем, с миром природы, с любимой женщиной, в размышлениях о себе, о своей судьбе, о призвании и долге художника. Высокая степень лирической субъективности любовной лирики А. Авдышева сближает его поэзию с творчеством русских поэтов А. Фета и Ф. Тютчева. И хотя поэт сознательно ограничивает себя зоной личного обзора и верен в стихах отчетливо выраженному исповедальному началу, его лирический герой, познающий мир, испытывает потребность высказаться о событиях прошлого и дать оценку тому, что происходило и происходит в России. С идеей «возврата к природе» связана концепция бессмертия поэта как продолжения жизни человека в его делах. Одной из форм «возврата к природе» было стремление Авдышева к «опрощению», к жизни в своем доме в деревне на острове Киж, рядом со знаменитым памятником русского деревянного зодчества, к занятию обычными крестьянскими делами. Сам факт вечной жизни природы осмысливается автором как доказательство близкого ему тезиса, что природа – первоначальная форма существования, которая восстанавливает целостность человеческой личности. Жизнь предстает в стихах Авдышева как нескончаемый процесс развития и обновления, включающий иногда и остановку внутренней жизни, требующую чистки души. Лирический герой поэта естественно движется в потоке реальной жизни, порой испытывая на себе влияние взаимоисключающих тенденций действительности.

Ключевые слова: литература Карелии, философская лирика А. Авдышева, герой, время, общество

Для цитирования: Дюжев Ю. И. «Таинственна души работа...» (философская лирика Алексея Авдышева) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 10–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.345

ВВЕДЕНИЕ

Исследуя русскую литературу XX века, ученые стремятся раскрыть в литературно-историческом и проблемно-теоретическом направлениях непрерывность реалистической традиции, многообразие художественных форм и приходят к выводу о значимости преемственной связи с прошлым, наследования и освоения духовных богатств, накопленных предшествующими поколениями. Новизна таких трудов заключается

«с одной стороны, в обращении к национальному опыту и высоким эстетическим традициям, наработанным русской культурой, создавая сложнейшие взаимодействия, перекличку, внутренний диалог традиций, а с другой – в постоянном наращивании новых качеств, непреходящем процессе эволюционного развития. С высоты завершившего свой путь XX столетия есть возможность увидеть и проследить эти закономерности

развития, обретаемые подчас в самой неблагоприятной исторической ситуации» [7: 4].

Опыт русской философской лирики XX века (Н. Заболоцкий, Л. Мартынов, А. Твардовский), тесно сопряженный с замечательными традициями русской классической поэзии, показывает, что она бережно унаследовала

«ту высокую эстетическую настроенность, которая в русской медиативной лирике так часто и естественно переходила в гражданственность, так закономерно обогатилась пафосом служения человеку и обществу во имя высоких нравственных идеалов» [13: 178].

Поэты России, развивавшие в XX веке философскую поэзию, строили свой мир по высоким нравственным ориентирам. Одним из тех, кто на протяжении всей творческой жизни способствовал утверждению в сознании общества передовых

гуманистических идей, был Алексей Авдышев (1928–1997)¹, почти одновременно принятый в Союз писателей (1956) и в Союз художников (1957). Он начинал свой творческий путь на том начавшемся, по словам М. Л. Гаспарова, в 1955 году этапе развития русского стиха, когда

«основное ядро стихотворных форм остается тем же, но вокруг него четче выделяется оттеняющая экспериментальная периферия. Наиболее заметны в ней, с одной стороны, интерес к предельно строгому сонету, с другой – к предельно раскованному свободному стиху» [2: 293].

Пафос и образность поэзии А. Авдышева с первых книг стихов («Северные зори», 1956; «Край озерный, край лесной», 1964) подразумевали особую конкретность в поисках гармонии человека и природы, однако не всегда она получала подлинно художественное воплощение. Его поэтическое творчество было кровно связано с судьбой Заонежья [5], но тогда еще не было глубоко страдано, чтобы стать подлинным искусством. И только когда в стихах Авдышева более активную роль стала играть подчеркнута личная авторская оценка, раздумья о таких вечных понятиях, как совесть, доброта, сострадание, и зазвучал голос взволнованной, встревоженной души, Авдышев вышел на уровень лучших достижений современной ему поэзии Карелии и Европейского Севера [4].

«Интересными, плодотворными и поучительными» называл Э. Г. Карху процессы, происходившие в поэзии Карелии 1970-х годов:

«Они связаны с поисками новых путей лирического самоуглубления, поисками естественными и закономерными, без которых развитие поэзии было бы немислимо. Они находятся в русле поисков всей современной советской поэзии» [8: 133].

Своего рода пограничным рубежом от принципа отражения действительности в формах самой жизни к метафоричному, экспрессивному поэтическому мышлению стал сборник стихов и гравюр Авдышева «Красные снега» (Петрозаводск, 1977). Открывался он стихами-впечатлениями от поездок по Северу, мало чем отличавшимися от заметок из журналистского блокнота. Автор видел на Диксоне «тундру в ледяном плену» («Красные снега»), «реки под властью зимы» («Есть реки...»), слышал «гул вездехода, стон мошкары» («В тундре») и «гул рыбацких просторов широких» («Хорошо из поездок далеких...»). В этих стихотворениях все еще встречались образы не имеющих индивидуальных черт героев, картины старой и новой жизни с целью показать величие перемен. Но начиная со стихотворения «Тебя от меня отнимают больницы...» в диалог с читателем вступает совсем другой поэт – потрясенный выпавшими на его долю большими испытаниями (болезнь и смерть любимой жены), чья художественная мысль поражает глубиной и сложностью [3]. «Жене и другу Валентине

Михайловне Авдышевой» – таким посвящением открывалась книга «Красные снега», в самом названии которой со свойственной художнику образностью была передана степень охватившего человека горя, когда «боль пронзает сердце» («Слабей пожатые сильных рук...»), когда приходится «криком в душе исходить и молчать» в окружении людей.

Мне не забыть твоё лицо в предсмертный миг,
Сквозь забытьё и морфий взгляд и крик.
В непостижимой тайне унесен
Незаданный вопрос того, кто не спасен...²

После всего пережитого в лирике Авдышева появляются «напоены печалью» описания осеннего неба с криком улетающих журавлей, запахом тленья опавших листьев в парке и сменяющий эту картину зимний пейзаж с его «застылостью дней» («Глухое небо...»). А сам поэт сравнивает себя с обугленным морозами черным деревом посреди засыпанной снегом «холодной и строгой» безжизненной равнины («Я, как черное дерево зимней порой...»). Его душевные муки беспредельны: «И нету слез на ветровом просторе, / всё слышу голос: “Милый мой, спаси!”» («Ещё она могила на Руси...»). Все это производит впечатление мгновенных эмоциональных вспышек, которые идут из глубины утасающей от несчастья человеческой души, которая «в никуда и в ничто провожает / уходящие радости дней» («Настоящее переживая...»). Мысль поэта пытается как-то систематизировать бессознательную горечь невозвратимой утраты в этих тревожных и опасных для человека чувствах и найти утешение в религиозных догматах о встрече с любимой после своей смерти там, на небесах («О, как хочу умом и сердцем верить, / что все-таки свиданье – впереди»). Но и это не облегчает переживания, и жизнь вдовца кажется утратившей смысл, ибо потерявший любимую поэт «вечной разлукой болен» («Не сдался я»).

«Лирико-философский цикл А. Авдышева, посвященный “трагедии бытия, поединку любви и смерти” и написанный на смерть жены и друга В. М. Авдышевой, был достойно оценен Е. И. Марковой на страницах коллективного труда “История литературы Карелии”» [10: 272].

Высокая степень лирической субъективности любовной лирики А. Авдышева сближает его поэзию с творчеством русских поэтов А. Фета и Ф. Тютчева. Для этой «мелодической» линии в русской поэзии характерны, по словам Б. Бухштаба,

«значительная степень лирической субъективности в подходе и к внешнему миру, и к душевной жизни, стремление прежде всего выразить настроение поэта... с переносом смыслового центра на эмоциональные опоры слова» [1: 60].

Цикл из 15 стихов «Там, за озером синим» (Север. 1982. № 10. С. 60–61) отразил раздумья поэта о драматизме эпохи и смысле жизни,

о нравственных ценностях, проверенных опытом народной жизни. За минувшие семь лет со дня смерти жены горечь утраты хотя и не ушла совсем, но заметно смягчилась, что позволило уже в ином ключе обратиться к ушедшей в небытие любимой:

Ты отпусти меня – тебя забыть позволь.
Я знаю, что пройдет, утихнет эта боль
И в строчках время отольет страданье –
Далекое, седое, как преданье...
Забуду губы я твои, забуду руки,
Лишь только имя выплывет в разлуке.

Эти строки – не измена любимой, а начало выхода из духовного кризиса, когда «воспоминанья, утешая, / пережитое воскрешая, / скользят во мне легко, как тень». Подобное состояние души В. Ф. Эрн называл «скорбью» и писал, что

«это уже не острая боль и не резкие страдания предыдущего духовного состояния, но тем не менее это – печаль, а не радость. Глаза постепенно привыкают к предметам, освещенным солнцем, боль утихает, душа просветляется и уже совсем не хочет назад, но она еще не полна, она в ожидании и тоске...» [16: 474].

И вновь необходимым условием творческого возрождения становится поездка в Заонежье, где «плывут облака белоснежной гурьбой» и поэт чувствует себя «свежо, глубоко»: «И пасмурная даль ясна, / и небо низкое – высоко!» Он входит в деревенскую избу, где «шепчут рябины у крыльца», и с благодарностью вспоминает проведенные здесь с любимой радостные дни, когда «жизнь казалась бескрайнее моря». Теперь, на расстоянии от случившейся личной трагедии, поэт пробует осмыслить бытие в усложнившихся для него нравственных связях с обществом. Ему, «заглянувшему в бездну», необходимо понять, почему именно его судьба подверглась такому жестокому испытанию. Он вспоминает свою жизнь, которая до поры до времени шла в гору. И постепенно приходит к правоте мысли, высказанной Ф. Тютчевым: «Поэт всемогущ как стихия, не властен лишь в себе самом»³. Как писал по этому поводу В. Ф. Эрн, каждый певец поет волею и даром свыше не только потому, что ему так хочется, но и потому, что его подхватывает поток вдохновения, который больше и мудрее его: «Если жизнь понимать п р е р ы в н о – а иначе ее нельзя понимать, – каждый должен идти своим путем – делать до конца свое дело» [15: 293]. И тогда, размышляя Авдышев в стихотворении «Читая словари», «своей особой красотой сверкнет / в пыли времен отысканное слово».

Теперь поэзия Авдышева в большей степени сосредоточена на внутреннем мире человека. И хотя поэт сознательно ограничивает себя зоной личного обзора и верен в стихах отчетливо выраженному исповедальному началу, его лирический герой, познающий себя и окружающий мир, испытывает потребность высказаться о событиях прошлого и дать оценку тому, что происходило

и происходит в стране. Из истории России поэт выбирает такие события, которые вызывают в нем чувство гордости за слово «Русь». Со страниц книги «Заонежье» (Петрозаводск, 1984) поэт напоминает о своей родословной («Шил корабли в Лодейном Поле / мой прадед для царя Петра») и не скрывает радости от причастия семьи к подвигу тех, кто шел «за славою под флагом русским» («Мой прадед»). Он призывает молодое поколение не забывать об «истоках российских» и чаще называть своих сыновей Иванами, ведь «в нелегкой работе, в боях неустанных / стояла Россия всегда на Иванах!..» («В огромной России рождаются дети...»). А когда поэту «под тяжестью строки» «не пишется», перед его глазами всплывает духовная красота и мощь церковей и храмов Соловецкого монастыря, Суздаля, Кижей («Стоят в глазах передо мной...»).

А. Авдышев, несомненно, был человеком искренне верующим, хотя его религиозность была глубоко запрятана, и ее следы, скрытые в художественной ткани «Заозерья», приходится выискивать и выделять. Героиня стихотворения «Старушка» «взволнованно, тайно / чертит пальцами в воздухе крест». Космонавт из стихотворения «На третьем небе рай библейский был...» там, «на невозможной высоте... / увидел краски те, / что мы не знаем в нашей красоте». Задумывающийся о неизбежности смерти лирический герой стихотворения «Мне, заглянувшему в бездну...» мечтает быть похороненным внутри церковной ограды: «Знаю, что тоже исчезну, / примешь ли, древний погост?» Последние годы поэт жил с религиозной верой в бессмертие человеческой души:

Когда умру, не закрывайте мне глаза!
Пусть кажется, что я живым не внемлю,
Я все равно из-под земли, сквозь землю,
Увижу, как беснуется гроза,
Как движется смолой пропахший воздух...
...С живыми навсегда пребуду в непокое.
Ненужная пусть не сверкнет слеза.
Когда умру, когда придет такое, –
Не закрывайте мне глаза!⁴

С идеей «возврата к природе» связана концепция бессмертия поэта как продолжения жизни человека в его делах. Одной из форм «возврата к природе» было стремление Авдышева к опрощению. В стихотворениях «Я радости простые полюбил...» и «Пропахну я сеном, деревней, парным молоком...» образно передано счастливое мироощущение поэта у себя в деревне. В будничных крестьянских делах он «веселый и бравый»: «Я свой на этой северной земле».

«Своим», «как будто дома» чувствует себя поэт в избе у деда Михея и бабы Кати в деревне Боярщина, где «красный угол в образах». Ему «с детства знакомы» простая еда на столе: икра из ряпушки, блины, рыбник. Ему хорошо у стариков, в чьих глазах «светит доброта» («Старый дом...»). И закадычных друзей своих он выбирает

из простых тружеников. Это мастер по шитью лодок Р. Ермолин (ему посвящено стихотворение «Шитье лодок»), плотник-реставратор Н. Степанов (ему посвящено стихотворение «Сидеть бы нам, дружище, за столом...»). Поэт в восторге от «резного узорочья» изб («Здесь мне отрадно, хорошо...»). Ему «сердцем проще» при виде «далеко уходящей равнины», где «церкви русские стоят» («Как витязи, венчанные шеломом...»).

От перенесенных страданий во время смертельной болезни жены, от собственного приближения к смерти поэт приходит к убеждению, что цель жизни – в самой жизни, в том, что она продолжается, не иссякая. Отсюда возникает обожествление этического начала в природе, ее самостоятельности по сравнению с жизнью людей: «Нескончаема песня природы, / несмолкаемо всюду звучит!» («Нет в уснувшей природе молчанья...»). Сам факт вечной жизни природы осмысливается автором как доказательство близкому ему тезису, что природа – первоначальная форма существования, которая восстанавливает целостность человеческой личности. Поэтому в его пейзажной лирике нет отточенных деталей в описании лесов, озер, небес, а есть привычные для автора черно-белых гравюр черновики будущих изображений: «волна крутая», «крепкий ветер штормовой», «ивы в кроткой красоте». Лирический герой стихотворения «Задумчиво гляжу на небеса...» любит вид облаков, которые «легки, летучи, белы» и видит в них свободное проявление духовной жизни:

И с ними я оторван от земли,
Легко парю над волнами, как птица,
Исчезну в розовеющей дали
И не смогу обратно возвратиться!⁵

Рисую природу Заонежья, Авдышев моделирует некий «земной рай» и тем самым сближается с онтологическими воззрениями Руссо, не только допуская, но и будучи уверенным, что уже нашел его на острове Кижи, где забыл пороки городской цивилизации и выстроил для себя наилучшую форму человеческого существования:

Иду я лугом – утренняя, росистым,
С природой душу вновь соединю.
Хочу, как жаворонок в небе чистом,
Пропеть хвалу сегодняшнему дню!⁶

Это непосредственно переданное опьянение полнотой жизни в людях и в природе помогает лирическому герою Авдышева окончательно расставить вехи в своей личной жизни: поставить точку на трагических переживаниях прошлого («Ты утратила власть надо мной...») и почувствовать желание испытать жизнь «любовью и влюбленностью нестрогой» («Испытывает жизнь меня врагами...»). «Уже не верящий судьбе», он начинает петь гимн любви, которая «гаснет и вновь горит во мгле» («Нет светлей и лучше краски...») и высказывает надежду, что «будет –

гостем негладким – нежность» («Будет – радость безоблачных дней!»).

Название первой опубликованной в столице книги Авдышева – «Возвращенная весна» (М., 1985) говорило о привлекательном для автора «возрождающемся воздействии» литературы на общество через гармоническое восприятие жизни с осуществлением заповедей любви и добра. Из 90 стихотворений более половины публиковались в предыдущих сборниках поэта. Из своего творческого наследия автор отобрал такие произведения, которые позволяли бы читателю оценить мастерство, с которым он изображал красоту природы и полноту жизни, игру человеческих чувств и отношений, полную любви преданность ставшему родным для поэта Заонежью и населяющим этот край простым людям.

Любовью к человеку и верой в него пронизан и цикл стихотворений Авдышева, возвращающих читателя к событиям довоенных и военных лет. В памяти поэта всплывает его первая любовь, одноклассница «с чистой улыбкой и ямочкою на щеке»: «Ты к ней бежишь травой росистой, / весь полон счастья...» («Последнее перед войною лето»). Он словно наяву слышит звуки патефона на танцах во дворе в памятную предвоенную июньскую ночь и не может забыть «скупой, прощальный взгляд отца» («Еще парнишка оробелый...»). Из глубины подсознания всплывают картины блокадного Ленинграда, где «с братом, с сестрою прощался / в сорок первом году» («Я, мальчишка, один остался...»). В стихах о войне главным остается достоверность изображения с соблюдением меры трагических подробностей. Увиденное и испытанное в ленинградской блокаде не могло убить в юноше веры в человека, в гармонию существующего мира, потому что он повсеместно в окружающей жизни видел примеры патриотизма («мы слышали святое – “фронту надо”») и ощущал тесную связь своей судьбы с судьбой народа: «Мы цену той, рабочей пайки хлеба / узнали, повзрослевшие мальчишки!» («К нам приходило раннее познание...»).

Появление «скрытого стержня» в характерах «детей войны» Авдышев объясняет высокой степенью национального сознания, взятого в его высших духовных проявлениях. «Нам крылья родина дала», – пишет он в стихотворении «...Войны Отечественной дети...». Как реквием звучит стихотворение «Сюда идешь ты в день воскресный...» о посещении братского кладбища погибших воинов, заканчивающееся призывом к современникам – помнить и чтить подвиг павших, ибо «мертвые всегда живые, / пока мы сердцем помним их!».

Любовь к живому в природе и людях объединяет крупный массив из 50 стихотворений о северной природе. Лирический герой поражен жизнестойкостью двух маленьких березок, что прижались к ледяной земле тундры и «стоят все-му наперекор!» («Березки в тундре»). Он готов

«припасть к родной волне заонежской» и «в ладонях удержатъ» «ветер, полный силы свежей» («Я часто, постояв у карты...»). Здесь все самое лучшее в мире: «чище воздух», «небо – выше», «зеленей листва», «тишина полней и тише», а главное – «здесь сердце сердцу говорит» («Большое, малое Оного...»). Но даже в этих ранее написанных и жизнеутверждающих стихах уже встречаются иные тональности человека, в силу своей инстинктивной мудрости осознающего, что в стране и мире настали иные времена, что присущее ему как поэту органическое восприятие всяких явлений космической и человеческой жизни уходит в прошлое под натиском рационализма, который, «считая личность за безусловно иррациональное, воспринимает весь мир в категории вещи» [15: 291].

Издатели и кураторы из советской цензуры в принципе не могли осознать реалистическую правду языка символов, которыми всегда говорило и говорит подлинное искусство. В этих условиях было крайне сложно противостоять мертвой вещности рационалистического мышления, прозревать в личности образ и подобие Божие. И тогда у таких тонких и совестливых артистических натур, как Алексей Авдышев, начинало звучать в стихах понимание роковых пределов и граней в жизни и литературе:

Я замечал у стариков
В живых глазах потусторонность,
Как бы от жизни отстраненность,
Глядящую из тьмы веков.
Еще не отданы земле,
Они пронзали душу взглядом,
А сами плыли в полумгле,
Не вровень с жизнью, где-то рядом...⁷

«Как бы от жизни отстраненность...» «в полумгле» размышлений о смерти все чаще овеивает и стихи Авдышева. Для него, как и для В. Ф. Эрн, «цивилизация есть изнанка культуры, овеществленный рационализм» [15: 284], и он в полной мере осознает инстинктивную мудрость природы, когда остается с ней наедине.

В отличие от схоластики рационалистической философии герой Авдышева после испытания себя одиночеством, после типичных для творческой личности периодов усталости и разочарования в себе и в своей профессии вновь возрождает огонь вдохновения, волевое усилие творчества, возрастающие требования к целям и задачам бытия. Он понимает неповторимость жизни и предпочитает «ни о чем, грустя, не сожалеть»: «Ведь оттого, что рядом ходит смерть, / милее жизнь» («Пусть угасанье, потуханье, спад...»). Он сознает подвижность и непредсказуемость явлений космической и человеческой жизни («Видишь порой в нескрываемой ясности – вдруг начинаются невероятности...»), но

это лишь укрепляет его личную философию свободы: «Снова мне жизнь нескончаемой кажется!»

Свое 60-летие Авдышев встретил, держа в руках книгу «Сердце моё» (Петрозаводск, 1987). В трех сотнях стихов сборника своеобразно преломились раздумья о назначении человека и нелегких путях Отечества. «Со всеми вместе на Руси / поликовал, нагоревался», – подводил «предварительные итоги» поэт. – «Живым для новых дней остался / – успеем быть на небеси...». В этом обтекаемом заключении чувствуется усталость от беспрестанных перемен «перестроенной» ситуации. Для поэта по-прежнему Заонежье – «сердцу отрада», но его вдохновение гаснет от «терзающих душу» мыслей о разрушении прежнего крестьянского уклада. Он сознает, что уже не удастся «спасти и уберечь» мастерство возводивших церкви и часовни местных плотников. Он убедился, что уходит из жизни деревни фольклор («Заонежье! Ты – сердцу отрада...»). На его глазах произошло исчезновение многих знакомых ему поселений, на месте которых остались брошенные людьми избы («Природа, ты нищенки нынче бедней!...»). Лирический герой стихотворения «Не взляял пес, меня встречая...» заглядывает в одну из таких опустевших деревень и видит заросшее травой поле, пробившийся через крыльцо избы «огонь лиловый иван-чая»: «Лишь ворон, пролетая, каркнет / И эхо вздрогнет и замрет». Ранее Авдышев творил в сотрудничестве и во внутреннем согласии с живой средой. Позднее он понял, что его одинокие усилия уже не смогут спасти самобытное бытие русского крестьянства и наступающий рационализм обесмысливает культуру, делает ее в своих основах призрачной. Вместе со своим поколением он стал «мудрее и старше». Поэту «надоели парадные марши / и бодрячество передовиц» в недавнее «время поздно осознанной лжи», когда появилось много «фальшивых солнц». Остается только сохранить честь и достоинство, чувство справедливости, христианскую сострадательность и уверенность, что история не закончена:

Приходит настоящее – уходит,
И остается будущего миг.
И будущее станет настоящим.
Так проживи как следует его,
Ведь и оно родилось уходящим,
Мгновенным – и не более того...⁸

Жизнь предстает в стихах Авдышева как нескончаемый процесс развития и обновления, включающий иногда и остановку внутренней жизни, требующую чистки души: «Таинственная души работа, / ее глухих дорог – не счесть!» («Живем в предощущении чуда...»). Лирический герой поэта естественно движется в потоке реальной жизни, порой испытывая на себе влияние взаимоисключающих тенденций действительности. На собственном опыте он убедился, что

в поиске истины все зависит от поединка «предательства и доброты» («Истину ищешь – у мудрых спроси...»). Он был неприятно удивлен, когда после завершения творческого проекта увидел зависть на лицах коллег. Это стало не только жизненным уроком, но и подстегнуло желание «усталость гнать прочь» и «не щадить себя в работе» («Его не любят за удачу...»). Вспоминная «грозную тревожность» таких моментов жизни, «когда решение – судьба», поэт признается, что самым тяжким в этом случае были «возможность-невозможность / в себе вконец убить раба!» («Прозренья тяжкие минуты...»). Со временем пришла известность, «я дальше вижу, больше понимаю», но от этого жизнь профессионального художника и поэта не стала легче: «Зачем мне мудрость, если нету сил?» Зачем обретенное мастерство, если «молодым чужой не нужен опыт?», – они идут своим путем ошибок и потерь («Судьбы удары молча я сносил...»). Лирический герой Авдышева приходит к преобладающему настроению замкнутости на себе, к уходу в одиночество. У него возникает ощущение, что он все видел, все познал. Он замечает за собой нарастающее равнодушие к событиям вокруг себя и к судьбам окружающих людей, потерю интереса к переменам в погоде и к чтению: «Даже к врагу не шевелится ярость – / так начинается старость...» («Ты это видел, ты это знаешь...»). За спиной старости стоит смерть, и мысль о ней, о вечном, все чаще вторгается в поэзию Авдышева. Как и обычные смертные, его лирический герой испытывает «сжигающий страх» при мысли о краткости отведенного человеку отрезка времени, душа его «в печалах томится», мучает один и тот же вопрос: «Не мне ли зловещая птица / в ночи иступленно кричит?»⁹. Он ищет «смысл жизни мудрый и простой...» и видит его в бытии старого бакенщика, который жил «с душою непустой», веруя в свое призвание: «Зажечь огонь и передать другим» («Жаль бакенщика – умер он вчера...»).

В желании опроститься, слиться душой с nature герой Авдышева начинает подвергать сомнению избранную им творческую профессию, отдав которой сознательную жизнь, все чаще ловит себя на мысли, что в ней он «чужой себе, как посторонний». На появлении такого настроения сказывается пошатнувшееся здоровье («и в сердце боль, и жар, и лед»).

Жизнь, которая выглядела столь прекрасной в молодости, оборачивается обратной, порой неприглядной стороной, ибо «уходящему видней // ухищренья всякой фальши...» («Мчатся годы...»). Все в жизни оказывается непредсказуемым: «счастья жаждущий» познает горе; бредущий по лесной тропинке теряет ее и обратно не находит пути.

Наглядным примером трагического одиночества поэтов для Авдышева служит история последних лет жизни Марины Цветаевой («О, грозное поэтов бытие!»).

Окрепшие со временем в поэзии Авдышева мотивы человеческой двойственности, нарушения гармонии в обществе, живущем в мире узаконенного греха, могут быть объяснены не только личной драмой в семье, но и начавшимся в перестройку распадом единства советского общества и прежнего равновесия духа.

«К середине 1980-х годов, – писал исследователь русской поэзии Александр Михайлов, – в стране, в умонастроениях народа назревали и затем произошли перемены. Изменилось отношение к литературе, образовался новый, еще не вполне осмысленный книжный рынок... Другие времена, другие нравы...» [12: 75].

В поиске гармонии в этих условиях Авдышев сближается с наиболее существенными сторонами учения и искусства Льва Толстого, который искал выход из построенного на насилии общества в непротавлении злу, в поиске единства и гармонии, в нравственном долге человека. От осознания абсурдности избранного пути лирического героя поэзии Авдышева спасают надежды на осуществление человечности через заповеди любви и добра. «Со смертью в споре» у поэта побеждает любовь, которую он называет «продолженьем жизни в человеке»: «Нас любят – нам сияет счастья свет!» («Любовь»). Высшей духовной гармонией в поэзии Авдышева, как у Л. Толстого, является женская красота, которая несет в себе облагораживающее начало: «Навек безрассудно полюбит – и станет крылатой душа» («И что в ней такого?»); «Женщина такая одарит / ласкою и силою могучей» («Сколько женщин тихих и простых...»). Было близко Авдышеву и лежащее в основе философско-этической концепции Л. Толстого убеждение, что только работа над собой может приблизить победу всеобщего блага. Поэт прошел через трудные испытания, чтобы вернуться на тот путь в жизни, который он выбрал по зову сердца, будучи уверен, что «золотого чекана строкам – не ржаветь!» («Это ваша, поэты, и радость и мука!»). Из таких «золотого чекана строк» составлены завершавшие книгу «Сердце моё» катрены, каждый из которых обращен к сложным проблемам социального и нравственного бытия современника и освящен уверенностью автора в высоком предназначении поэзии:

Работая, я в творчестве сгораю.
И, на последней унесен волне,
Я, умирая, целый мир теряю,
И мир теряет целый мир во мне¹⁰.

Через десять лет вышла последняя прижизненная книга стихов А. Авдышева «И свет,

и тень», на презентации которой в Музее изобразительных искусств 27 декабря 1997 года у него случился инсульт. Через четыре дня, 31 декабря, в канун Нового года, он скончался. От лица ценителей таланта Алексея Авдышева Ю. Шлейкин писал о значении творческого наследия поэта и художника:

«Созданные им художественные образы Карелии, Заполярья, всего Севера стали классикой отечественного искусства. Свои циклы-разделы есть и в поэзии Авдышева. Здесь, конечно, больше лирики, но в последние годы его стихи стали во многом философскими, с мощным социальным зарядом. То, что он не может выразить резцом – стихителем, он говорит словом. И, как в гравюрах, где лишь два цвета – черный и белый передают всю красоту окружающего мира, так и в его лаконичных стихах ощутимы все нюансы мыслей, чувств, переживаний. Как в гравюрах Авдышева можно окунуться в красоту, мощь и силу Севера, так и в последних стихах ярко видны его боль, переживания о судьбах человека и страны, мечты поэта и его надежды» [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Алексея Авдышева – еще один пример того, что во второй половине XX века

в русской поэзии России существовала внутренняя преемственность, суть которой – в постоянном стремлении литературы региона к новым художественным рубежам [6]. Это движение литературы опиралось на все достигнутое ранее, на культурное наследие прошлых поколений, национальные традиции [9]. Благодаря высокой культуре письма, художнической зоркости, гражданственности поэзия во многом определяла лицо и русской литературы Карелии и Европейского Севера, поскольку в ней, в том числе и в творчестве А. Авдышева [11], [17], [18], были чутко уловлены дорогие сердцу мысли о необходимости воспитания чувств, понимания каждым человеком опыта предшествующих поколений. Учет коллективного опыта писателей России позволяет под новым углом зрения выявить диалектическую взаимосвязь традиций и новаторства как звеньев одного процесса преемственности. Обобщение накопленного литературными регионами опыта позволяет говорить о внутреннем единстве литературного процесса на всей территории России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дюжев Ю. И. Алексей Иванович Авдышев // Дюжев Ю. И. Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. 304 с.
- ² Авдышев А. Красные снега: Стихи, гравюры. Петрозаводск: Карелия, 1977. С. 25.
- ³ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 146.
- ⁴ Авдышев А. Заонежье: Стихи. Петрозаводск, 1984. 79 с.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Там же. С. 16.
- ⁷ Авдышев А. Возвращенная весна: Стихи. М.: Современник, 1985. С. 20.
- ⁸ Авдышев А. Сердце моё: Стихи, гравюры. Петрозаводск, 1987. С. 275.
- ⁹ Там же. С. 294.
- ¹⁰ Там же. С. 328.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухштаб Б. А. А. Фет // Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 5–62.
2. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М.: Наука, 1984. 320 с.
3. Гин М. Книга живописца и поэта // Север. 1978. № 11. С. 124–125.
4. Горышин Г. «Куда она течет?» // Аврора. 1976. № 4. С. 4–9.
5. Дементьев В. В. Северные фрески // Москва. 1967. № 2. С. 193–194.
6. Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: Учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 560 с.
7. История русской литературы XX в.: Учеб. пособие / С. И. Тимина, И. Н. Сухих, О. А. Лекманов и др. М.: Академия, 2013. 384 с.
8. Карху Э. Г. В краю «Калевалы»: Критический очерк о современной литературе Карелии. М.: Современник, 1974. 223 с.
9. Кожин В. Статьи о современной литературе. М.: Сов. Россия, 1990. 544 с.
10. Маркова Е. И. Лирика семидесятых годов // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 267–280.
11. Маркова Е. Между жизнью и смертью... Поминание кижского мастера Алексея Ивановича Авдышева // Север. 1998. № 6. С. 154–160.
12. Михайлов Ал. Вехи. Статьи о литературе. М.: Изд. московской городской организации Союза писателей России, 2001. 114 с.
13. Павловский А. И. Советская философская поэзия. Л.: Наука, 1984. 180 с.
14. Шлейкин Ю. «Зачем у жизни на краю я душу слову отдаю?» (Памяти Алексея Авдышева) // ТВР-Панорама. 1998. 7 янв. С. 3.
15. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. На пути к логизму // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 9–294.
16. Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 463–532.
17. Misin A. Valo ta varjo: A. Avdisevin muissolia // Vienen Karjala. 2003. 25 syysk.
18. Poljakova S. Aleksei Avdysevia muistellessa // Carelia. 2008. № 9. S. 159–160.

Поступила в редакцию 17.01.2019

Yuriy I. Dyuzhev, Doctor of Philology (Petrozavodsk, Russian Federation)

“MYSTERIOUS IS SOUL’S LABOR...”
(Aleksey Avdyshev’s philosophical lyric poetry)

The article deals with the lyric poetry by a Petrozavodsk poet Aleksey Avdyshev, who perceived the world through a philosophical system of ideas about the world and people. The aim of the article is to contribute to the endeavors of contemporary Russian literature studies to scientifically elaborate and theoretically recapitulate the patterns in the development of the XX century Russian literature as a single process with its own sources, growth stages and development prospects. To this end, the author has previously written and published a series of reviews on ‘Northern’ poets (N. Klyuev, A. Ganin, A. Yashin, N. Rubtsov, V. Morozov, Yu. Linnik, V. Ustinov, B. Chulkov, S. Chukhin), which is now continued by a study of A. Avdyshev’s philosophical lyric poetry. It is for the first time in Russian literature studies that the works of this author are analyzed from such a perspective, revealing how art development in the European North of Russia is defined by spiritual-cultural and ethnic factors on the one hand, and demonstrating the inner unity of the literary process throughout Russia on the other. The demand for this study is associated with a currently growing role of art in fashioning a harmonious individual and in patriotic upbringing. Avdyshev’s personal experience of interactions with time, nature, or the beloved woman, his reflections on himself, his fate, an artist’s mission and obligations are analyzed. The profoundly subjective nature of A. Avdyshev’s love verses makes his poetry akin to the works of such Russian poets as Afanasy Fet and Fyodor Tyutchev. Although the poet intentionally stays within the bounds of his personal field of vision and is loyal in his verses to explicitly confession-like grounds, the hero of his lyrics, while cognizing the world, feels the urge to make his point on the past events and an assessment of what was and is happening in Russia. The idea of the ‘return to nature’ has to do with the concept of poet’s immortality as the perpetuation of a person’s life by their deeds. One of the forms of the ‘return to nature’ was Avdyshev’s pursuit of ‘simplification’ through living in his countryside house on Kizhi Island, next door to famous Russian monuments of wooden architecture, and being engaged in ordinary village routines. The very fact of the nature’s eternal life is conceptualized by the author as the proof of the proposition he favored so much – that the nature is the original form of existence, which rebuilds the integrity of the human personality. In Avdyshev’s verses, life appears as a perpetual process of development and renewal, sometimes incorporating a stoppage of one’s inner life to purify the soul: “Mysterious is soul’s labor, / its dead-end alleys are beyond count” (“We live in anticipation of a miracle...”). The poet’s lyrical hero drifts naturally with the flow of real life, sometimes influenced by mutually exclusive tendencies of the reality.

Key words: Karelian literature, Aleksey Avdyshev’s philosophical lyric poetry, hero, time, society

Cite this article as: Dyuzhev Yu. I. “Mysterious is soul’s labor...” (Aleksey Avdyshev’s philosophical lyric poetry). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 10–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.345

REFERENCES

1. Buchstab B. A. A. Fet. *Fet A. A. Poems*. Leningrad, 1986. P. 5–62. (In Russ.)
2. Gasparov M. L. Essay on the history of Russian versification. Meter. Rhythm. Rhyme. Stanza. Moscow, 1984. 320 p. (In Russ.)
3. Gin M. Book of a painter and poet. *Sever*. 1978. No 11. P. 124–125. (In Russ.)
4. Goryshin G. “Where is it flowing?” *Aurora*. 1976. No 4. P. 4–9. (In Russ.)
5. Dement’ev V. V. Northern frescos. *Moskva*. 1967. No 2. P. 193–194. (In Russ.)
6. Zaytsev V. A. History of Russian literature of the second half of the XX century: Textbook. Moscow, 2008. 560 p. (In Russ.)
7. History of Russian literature of the XX century: Textbook (S. I. Timina, I. N. Sukhikh, O. A. Lekmanov et al.). Moscow, 2013. 384 p. (In Russ.)
8. Karhu E. G. In the land of *The Kalevala*: A critical review of contemporary literature of Karelia. Moscow, 1974. 223 p. (In Russ.)
9. Kozhinov V. Articles about contemporary literature. Moscow, 1990. 544 p. (In Russ.)
10. Markova E. I. Lyric poetry of the 1970s. *History of literature of Karelia*. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. P. 267–280. (In Russ.)
11. Markova E. Between life and death... Commemoration of Kizhi maestro Aleksey Ivanovich Avdyshev. *Sever*. 1998. No 6. P. 154–160. (In Russ.)
12. Mikhaylov A. I. Milestones. Articles about literature. Moscow, 2001. 114 p. (In Russ.)
13. Pavlovskiy A. I. Soviet philosophical poetry. Leningrad, 1984. 180 p. (In Russ.)
14. Shleykin Yu. “Why on the brink of life do I devote my soul to words?” (In memory of Aleksey Avdyshev). *TVR-Panorama*. 1998. January 7. P. 3 (In Russ.)
15. Ern V. F. Struggle for Logos. On the way to logism. *Ern V. F. Writings*. Moscow, 1991. P. 9–294. (In Russ.)
16. Ern V. F. Supreme comprehension of Plato. *Ern V. F. Writings*. Moscow, 1991. P. 463–532. (In Russ.)
17. Misin A. Valo ta varjo: A Avdisevin muissolia. *Vienan Karjala*. 2003. 25 syysk.
18. Poljakova S. Aleksei Avdysevia muistellessa. *Carelia*. 2008. No 9. S. 159–160.

Received: 17 January, 2019